

ГЛАВА 9. СИЛА, НАСИЛИЕ, БЕЗОПАСНОСТЬ: СОВРЕМЕННАЯ ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

Н.А.Косолапов

Идея безопасности возникла как естественная реакция на мир, насквозь пронизанный насилием. В таком мире безопасность на деле означала не более чем лишний шанс на то, чтобы не подвергнуться нападению в числе первых и не стать слишком уж легкой жертвой. Ибо в той или иной форме нападение, кровопролитие, война настигали рано или поздно всех. И когда это происходило, то решающим фактором становилась способность дать физический отпор в схватке: как минимум, постоять за себя, как максимум — одержать верх и уничтожить врага. Силой в таком мире было сочетание взаимодополняющих, подкрепляющих друг друга материальных и духовных способностей к физической схватке не на жизнь, а на смерть. Насилием — процесс и результат применения силы. Безопасностью — оттянутая на возможно более длительный срок перспектива оказаться объектом насилия.

В этом-то мире в процессе его эволюции последовательно возникли *три* принципиально разных концепции обеспечения безопасности. Точнее, даже не концепции, а три принципиальных подхода, внутри которых и на стыках между которыми сегодня существует значительное число конкретных теоретических школ, политических установок, идеологических и психологических представлений.

Исторически *первым* был подход, делавший ставку на социальный эгоизм и допустимость любого произвола в стремлении к его реализации. Нравственные, религиозные, политические и прочие акценты бывали разными. Но суть одна: навязывание силой своей воли другим, для чего, естественно, необходимо было собственное превосходство. К XX в. подход этот получил философскую, политическую, этическую разработку. На деле же возник он в незапамятные времена из инстинктов одновременно и хищника, которому можно все, на что он практически способен, и жертвы, для которой перед реальной угрозой гибели исчезают все соображения, кроме одного — выжить любой ценой.

«Букет зверств», порожденный этой смертоносной «игрой с нулевой суммой», как назовут ее в век научно-технической революции, вызвал к жизни *второй* подход: призыв к обретению безопасности через отказ от насилия вообще и через разоружение, полное или частичное, как доказательство искренности и средство обеспечения такого отказа. Все принципиальные соображения на сей счет содержатся в Библии, хотя конкретные предложения, политические рецепты и формулировки продолжают появляться в изобилии и поныне.

Крайности, как водится, не принесли успеха. И век минувший, решительно окрасив историю рационализмом, впитав в себя и осмыслив опыт войн и политических урегулирований, военных союзов и договорных систем безопасности, дал *третий* подход. Упор в нем сделан тоже на силу, на способность дать эффективный отпор потенциальному агрессору. Но при этом принимаются, по крайней мере на словах, определенные ограничения на возможные проявления собственного эгоизма, а также признается нежелательность или даже недопустимость силового нажима, давления, диктата по отношению к тем, кто не является в данный момент ни реальным, ни потенциальным агрессором.

Политический, интеллектуальный и нравственный спор продолжается сейчас, по существу, только между вторым и третьим подходами, первый осужден со всех этих точек зрения. Но на политико-психологической шкале современности идеи ненасилия, разоружения, ликвидации вооружений, военной промышленности, армий и т.п. попадают в левую часть спектра — от левоцентристских до леворадикальных. Идеи же ограниченного насилия, коллективной обороны, контроля над вооружениями, международных полицейских сил, региональных и глобальных систем активной защиты — скорее, в правую, консервативную часть этого спектра.

Последнее обстоятельство представляется нам существенным для понимания того, как складывается в мире 90-х годов диалектика взаимосвязей силы, насилия и безопасности в реалиях международной жизни, в духовном строе современников и во взаимозависимостях между первым и вторым.

I

Есть явления настолько распространенные, общеизвестные и на практическом уровне понятные, что дать им определение представляется нелегкой, иногда непосильной задачей. К числу таких явлений объективного мира принадлежит сила, от политического истолкования которой уклоняются практически все ведущие энциклопедии, ограничиваясь лишь физическими аспектами этого явления и понятия. Политические же учения долгое время, начиная с Макиавелли (если не раньше), оперировали этой категорией как чем-то само собой разумеющимся.

По отношению к живому организму сила — это его способность физически обеспечить себе желаемое или необходимое: пропитание, потребную вещь, размножение, жилище, что-то еще. И, разумеется, не в последнюю очередь защиту самого себя в случае нападения и возможность нападать самому. Социальная организация физической силы человека породила, с одной стороны, различные формы коллективного труда, а с другой — коллективные же формы насилия, в частности, военную силу. На протяжении многих последующих тысячелетий от последней зависело так много, она была настолько неотъемлемой частью повседневности, вокруг нее возникло и

из-за нее погибло столько государств, что необходимости в особом определении силы действительно не возникало. XX в. с его войнами и научно-технической революцией не только поднял на новый уровень все, связанное с военной силой, но и создал положение, при котором она более неотделима от возможностей экономики и науки. Заговорили вначале об экономической силе государства, потом — о невоенных факторах силы, о возможности использовать практически любую сферу деятельности современного общества как непосредственно в интересах и целях войны, так и в противоборствах, формально не переступающих грань войны, но вплотную подходящих к ней и фактически означающих лишь временную отсрочку кровопролитий¹.

Все это и многое другое наглядно показало, что мир второй половины нашего века требует углубления представлений человека о природе, характере и использовании силы. Когда-то обладание силой было безусловным благом и для человека, и для общества, и для государства, ибо сила сама по себе несла им пропитание, уверенность в себе и по меньшей мере шанс на выживание. А поскольку жить хотел — и имел право — каждый, то логичны и естественны были умопостроения и политические концепции, выведившие из силы право и мораль, рассматривавшие силу как нечто вечное и неизменное, основополагающее в человеческих и международных отношениях, обосновывавшие не только правомерность, но и неизбежную необходимость строить всякую политику через опору на силу. XX в. к своему исходу опроверг все эти считавшиеся незыблемыми постулаты.

Оказалось, что чрезмерная сила способна не столько обеспечить, сколько подорвать безопасность страны, народа, поставить под угрозу перспективы самой жизни на планете. Выяснилось, что погоня за внушительной военной силой не только разорительна для экономики, но обрекает общество на торможение его развития и исторический застой, которые в конечном итоге перечеркнут и военные достижения — если, конечно, накопленный военный потенциал не будет использован раньше. Впервые в истории оказалось, что войны в этом веке преимущественно заканчиваются не так, как ожидал тот, кто их начинал, но с прямо противоположными для инициатора результатами. Возник широчайший, продолжающийся увеличиваться диапазон новых проблем, конфликтов, задач, в принципе не решаемых средствами и методами военной силы. Попытки получить, закрепить, расширить военное превосходство в обстановке длительной конфронтации объективно ведут к тому, что все это в нашей жизни может

¹ Мы не делаем здесь отсылку к конкретным работам. Читатель, следящий за литературой по вопросам внешней политики и международных отношений, без труда припомнит немало книг, как отечественных, так и зарубежных, посвященных различным аспектам роли силы в мировой политике. Опубликованные в свое время в СССР критические обзоры западных теорий и концепций во многих случаях, на наш взгляд, сохраняют ценность и актуальность в описательной и теоретико-аналитической их части.

превратиться в арену и средство войны, а нормальная жизнь даже и без войны станет попросту невозможной, перенасытит себя милитаризацией настолько, что впадет в паралич. Наконец, было убедительно продемонстрировано, что страна, не имеющая вооруженных сил или обладающая лишь минимальной армией, вполне может добиваться влияния в мире иными, невоенными средствами, достаточно надежно гарантируя при этом свою безопасность. На сегодня все перечисленное — уже почти аксиомы мировой политики.

Значит ли все это, однако, что к исходу века значение силы, в том числе и военной, в жизни стран, народов, человечества в целом как бы сходит на нет? На наш взгляд, ответ на этот вопрос должен быть только отрицательным. Человечество без силы — это бессильное человечество. Каждая страна должна быть в состоянии не только при необходимости защитить себя, но и постоянно обеспечивать себе средства к существованию, поддерживать внутренние порядок, организацию, законность. Ни одна из этих задач не может быть выполнена без использования силы в той или иной ее форме. Подлинный вызов завершающей части XX столетия заключается и том, чтобы научиться использовать силу созидательно, конструктивно, социально ответственно, — а для этого познать ее внутреннюю природу и природу насилия. Да, если плыть и дальше по воле стихии, давать простор страстям, эмоциям и настроениям, руководствоваться национальными эгоизмами и амбициями, свято верить в собственную избранность и незыблемость своего права на произвол, да еще при этом и не обременять себя чрезмерными, тем паче неудобными знаниями, — тогда созданная человеком сила его же в конце концов и уничтожит. Но и отказаться от этой силы человек уже не может, как бы не хотел. Ибо на ней, по существу, держится весь его образ жизни.

II

Как это часто бывает, глубокие, принципиальной важности перемены в самих основах бытия современного человечества были уловлены поначалу лишь с внешней их стороны. Насилие рождает кровь и страдания, обесценивает человеческую жизнь, ведет к нравственному озверению человечества¹ — значит, надо отказаться от насилия, искоренить его. Войны разоряют и опустошают землю, уничтожают результаты труда, отбрасывают вспять развитие — долой войны! Армии и вооружения — практические средства ведения войн, стало быть, надо уничтожить оружие и распустить армии. Противопоставить истории войн и насилия идею ненасилия — сначала хотя бы в самом ключевом, а потом и во всем спектре социальных, в том числе международных, отношений.

¹ Термин «озверение» не должен вводить в заблуждение: досоциальным формам жизни мораль неведома, насилие там — один из способов обеспечить существование. В обществе же вполне реальна нравственность, оправдывающая и рационализирующая расширение насилия.

Идея ненасилия, однажды возникнув, обрела необычайную интеллектуальную и нравственную привлекательность, и потому ее охотно воспринимали все те силы и деятели, которые в своих воззрениях склонялись к идеалам и целям гуманизма, демократии, достоинства и прав личности, социального прогресса. Интеллектуально и психологически идея ненасилия вписывалась или, как минимум, сочеталась с представлениями о возможности создания общества — в отдельной стране или в мире в целом, которое, основываясь на разуме, справедливости, здравом смысле и человеколюбии, просто не нуждалось бы в насилии. Эта иллюзия сегодня серьезно поколеблена, но отнюдь не разрушена. Судя по тому, что она лежала еще в фундаменте раннего христианства, она не будет разрушена еще очень и очень долго.

Но если интеллектуальные опоры идеи ненасилия на протяжении нашего века и особенно самого последнего времени заметно поколебались, то нравственные, напротив, упрочились. В самом деле, зная даже в самых общих чертах историю XX в., возможно ли возражать против идеи ненасилия? Можно ли делать это после того, как человечество прошло через самый кровавый — пока что — период своей истории? После того, когда в десятках и сотнях великолепных трудов найдены берущие за душу слова в пользу философии, этики, политики ненасилия? Когда люди исключительной чистоты и мужества шли ради этой идеи на тяжкие мучения, а часто и на смерть? Можно ли возражать против идеи ненасилия, заведомо сознавая, что в любую минуту где-то на земле идет война, где-то продолжаются этнические, конфессиональные, межобщинные и всевозможные иные схватки, где-то кого-то пытают, истязают, насиуют, убивают?

Да, возражать против самой идеи ненасилия крайне трудно во всех отношениях. Не в последнюю очередь еще и потому, что критика идеи ненасилия не должна давать повода и оснований оказаться понятой как оправдание насилия и призыв к нему. Но именно поэтому и необходимо. Ибо идея эта, обладая, на наш взгляд, несомненными моральными достоинствами и привлекательностью, подкрепленная многими авторитетами высшей нравственной и интеллектуальной пробы, отталкивающаяся от фактов и явлений, при мысли о которых нельзя не содрогнуться, — эта идея в наше время имеет более чем реальные шансы стать еще одним из направлений примитивного и потому особенно агрессивного популизма. Она обещает простые и радикальные решения там, где не может быть ни простоты, ни места наивному в своей прямолинейности радикализму. И потому цена за политические комбинации на базе этой утопии может оказаться поистине чудовищной.

Проблема насилия действительно существует и грозит серьезными катастрофами, вплоть до глобальной, если ее не обуздать. Но что значит «обуздать насилие»? Тождественно ли это отказу от насилия вообще? И равнозначны ли в теории и на практике понятия «отказа от насилия» и «ненасилия»? Не говоря уже об очевидной опасности

увлечься борьбой с симптомами вместо лечения болезни, правомерно ли считать насилие некоей социально-исторической болезнью, которую непременно надо искоренить, как чуму или лихорадку, — да и выполнима ли ныне и в обозримой перспективе такая задача? Для ответа на эти вопросы надо обратиться, хотя бы в самой общей форме, к истории идеи ненасилия и к анализу самого этого явления и его социально-исторических функций.

III

Идея ненасилия — сложный, прошедший весьма долгую эволюцию духовный сплав. В нем — естественное стремление всего живого к продолжению жизни, страх и неприятие смерти, ужас перед возможностью предшествующих ей мучений. В этом сплаве — моральное и политическое неприятие тех средств, ценностей, воззрений на мир и человеческие отношения, которые обычно присущи насильнику. И если первое — чисто физиологическая реакция самой жизни, пусть и преломленная к тому же через сознание, то второе могло возникнуть только тогда, когда появились и были осмыслены возможные альтернативы, иные, ненасильственные способы существования, формы межличностных и общественных отношений. Но есть в истоках идеи ненасилия и третье — она родилась из осознанной попытки разрешить моральное и практическое противоречие: что может противопоставить Добро Злу, само не превращаясь во Зло? Это уже спор, рожденный достаточно высокоразвитым религиозным и нравственным сознанием.

Иными словами, идея ненасилия вобрала в себя два качественно разных комплекса исходных объективных реалий. Один — естественное и закономерное стремление всего живого жить, не подвергаться мукам, пребывать в максимально возможной безопасности. Это стремление неизменно, пока существует жизнь. Другой же комплекс, исторически преходящий, — тот особый духовный мир, который возникает у человека и общества, когда они еще очень мало знают о том, что их окружает, и о самих себе; когда многое из этого знания ошибочно, ложно; когда не только катастрофически недостает еще понимания мира, но не сформировались еще в индивидуальном и общественном сознании механизмы, способные дать, аккумулировать, развивать такое понимание; когда, как следствие всего этого, род людской еще крайне слаб и физически, и информационно, и интеллектуально. Но вынужден тем не менее как-то существовать. Здесь-то и возникают многочисленные духовные образования — религиозные и бытовые поверья, мифы и легенды, освященные жизненным опытом представления, ранние научные и общественно-политические воззрения и т.п., — в историческом смысле являющиеся самыми первыми ступенями эволюции сознания. А в смысле сугубо практическом — преодолением противоречия между физической необходимостью жить и психологической невозможностью делать это, не компенсируя жестокою и непонятною реальностью обилием всевозможных мифов и иллюзий.

Представим себе невероятное: человек далекого прошлого в материальном отношении остается тем же, чем он был, с тем же опытом, теми же орудиями труда, тем же запасом навыков и практических представлений, с тем же кругом повседневных проблем и опасностей. Но при этом вдруг лишается веры во всяческих богов, духов, в приметы, в загробный мир, переселение душ и т.д. и вместо всего этого к нему приходит ясное, «материалистическое», атеистическое, рационалистическое понимание: «Я — пылинка во Вселенной. Я практически ничего не знаю, не понимаю, ничтожно мало могу. Я обречен душевными страданиями, физическими муками и жизнью своей платить за почти каждую крупицу опыта, за каждый прожитый день. На каждом шагу меня подстерегает угроза. Я живу впроголодь, в постоянных трудах и болезнях. Так пройдет вся моя жизнь, и когда она завершится, моих детей, внуков и правнуков на многие десятки поколений вперед ждет то же самое. Зачем?!» Не говоря уже о том, что подобные восприятие и оценка своей жизни не могут возникнуть вдруг, на пустом месте, что для этого необходим цивилизационный опыт многих поколений, — смог бы человек далекого исторического прошлого просто-напросто существовать с таким пониманием жизни и своего места в ней? Не предпочел бы он просто повеситься и тем сократить свои неизбежные и в отсутствие веры в Бога бессмысленные для него лично страдания?

XX век опять-таки лишь с внешней стороны можно назвать веком атома, космоса, кибернетики или чего-то подобного. По сути же это век необратимого утверждения рационализма в самой структуре и в механизмах индивидуального и, особенно, общественного сознания, превращения этого рационализма в своеобразного внутреннего диктатора и цензора как воззрений, так во многом и поведения. Поэтому-то мы, даже не всегда осознавая это, склонны рассматривать, прежде всего, именно рациональную сторону в движении идей, концепций, учений, связей времен и культуры. Она, несомненно, существует. Но мы еще крайне недалеко — в историческом масштабе времени — отошли от тех веков и эпох, когда без мощнейшей психологической компенсации за естественную жестокость примитивных форм жизни и относительное бессилие самого человека, не выжили бы и не сумели вступить на путь цивилизации ни отдельные социумы, ни человечество как род. И такой компенсацией была, а во многом и остается вся духовная деятельность человека. Не только собственно в психологической ее части — в данном случае она не более чем оболочка, — но прежде всего в содержательном наполнении этой оболочки: в религии, морали, науке, искусстве; в первую очередь, в социальных учениях — в целом и в отдельных их концепциях, которые, как и религия, из которой они выделились когда-то, были и остаются не только продуктом познания, но и одним из самых сильных и необходимых механизмов общественно-психологической компенсации за качество бытия на любом данном этапе исторической эволюции рода человеческого.

Идея ненасилия, на наш взгляд, — одно из конкретных проявлений такой компенсации. Моральный призыв к ненасилию заслуживает уважения и поддержки, но именно как моральный призыв, а не фанатично исповедуемая вера, неопопулистское течение или псевдонаучная концепция, возможность осуществления которой не подкреплена пока никакими объективными доказательствами. Идеал ненасильственного общества и мира, при всем его нравственном значении, как и любой другой идеал, вряд ли достижим. И хотя стремиться к нему желательно, а в интересах цивилизованного развития — даже необходимо, все же никакой идеал не может непосредственно служить рабочим чертежом, практической конструкцией и даже теоретической моделью.

В данном случае не может, в частности, еще и потому, что *отказ от насилия вовсе не равнозначен ненасилию*. Отказ от насилия — субъективный акт, результат чьей-то воли и выбора. Ненасилие же — объективное состояние отсутствия насилия как явления вообще или же каких-то определенных его форм и проявлений. Чтобы такое состояние возникло, одних только воли и выбора мало. Нужно еще либо ликвидировать причины, порождающие явление насилия, либо научиться контролировать их действие и последствия в желательном для общества направлении. Если же эти условия не выполняются — а пока это так, и в обозримом будущем объективно и не может быть иначе, — то добровольный отказ от насилия может привести даже к еще худшим его проявлениям, взрывам, эксцессам. Это подтверждает, в частности, горький опыт возникновения многочисленных конфликтов в пределах бывшего СССР после того, как был устранен фактор давления из Центра в интересах поддержания государственного и социального единства. Пресс был снят из лучших побуждений. Но обнаружилось, что во многих важнейших случаях система просто не располагает иными, несилowymi возможностями разрешения собственных внутренних конфликтов и противоречий. И страна, открывая было свободу, во многих местах польхнула столкновениями и войнами, обогрилась кровью. Не снимая ответственности с конкретных лиц и групп, политолог просто обязан видеть, что причина трагедий далеко не только в чьих-то субъективных действиях. В воле человека избирать конкретные формы и виды насилия, уходить от каких-то его актов. Но, по-видимому, мы стоим еще на той ступени исторической эволюции, когда *невозможно пока уйти от насилия как явления, органически присущего всему строю жизни — и внутренней, и международной*.

Попытка чисто субъективного отказа от насилия означала бы в этих условиях не что иное, как объективный уход и от познания явления насилия и от реальной работы по обузданию его крайних, бесчеловечных форм одновременно с овладением его конструктивными возможностями. Только сочетание всех этих трех условий способно в конечном счете заложить основы для максимально возможной безопасности общественных отношений любого уровня. Так что же такое насилие как явление?

IV

Всякая жизнь — и общественная в том числе — основывается на том или ином сочетании трех элементарных способов существования: *подбирания* того, что дает природа; *производства* из подобранного чего-то качественно нового; и *отбирания* у других того, что они подобрали либо произвели¹. *Сила* в тех или иных конкретных ее проявлениях необходима и всегда присутствует во всех трех этих случаях, однако только в последнем она выступает как *насилие*, то есть используется против другого субъекта или субъектов с целью изъять у них что-то или же принудить их к совершению желаемых насильником действий. Таким образом, независимо ни от чего другого *насилие* — это всегда способ принудить субъекта поступать вопреки его собственным воле, интересам, целям и выбору, действовать так или иначе в ущерб самому себе.

Именно здесь лежит принципиальное различие между силой и насилием. Сила — потенциал к совершению тех или иных действий, достижению некоего результата. Но сама по себе, в отрыве от использующего этот потенциал субъекта, сила не обладает ни волей, ни целями, ни разумом, ни совестью. Приведенная в действие случайно, по неведению, бесцельно или стихийно, она и действует механистически. Только субъект способен придать действиям силы целенаправленность, в том числе превратить силу в насилие, направив ее против себе подобных.

«Отнять», однако, можно по-разному: по закону или противозаконно. От имени государства или в порядке «частной инициативы». В каких-то внешне мягких формах или кроваво. Только пригрозив жертве насилия потенциальными санкциями или нанеся ей некий осязаемый ущерб. Иными словами, необходима *классификация насилия*, поскольку, как один из институтов общественной жизни, оно тоже прошло через собственную эволюцию и сегодня существует во множестве форм, видов и проявлений. Однако суть насилия остается при этом неизменной: подобрал или произвел один, распоряжается другой, притом распоряжается вопреки первому. Самые прямые, исторически первые, наиболее откровенные и грубые формы насилия — отобрать, ограбить, отвоевать. Формы более поздние, сложные, рожденные цивилизацией, опосредованные — изъять, конфисковать, взять податью или налогом, перераспределить, ограничить доход, прибыль, зарплату, сферу деятельности, рынки сбыта...

Нет ли здесь, однако, неоправданного расширения понятия насилия? На наш взгляд, отнюдь. Во-первых, насилие суть хищничество, а последнее — один из способов существования, независимо от его форм. Во-вторых, в основе всех форм насилия лежит одна и та же объективная функция — перераспределение (иной вопрос, кто его в конкретном случае осуществляет, как и с какой целью). В-третьих,

¹ Подробно об этом см. статью автора «Социум и экономика: гипотеза об исторических корнях взаимосвязей» (Свободная мысль. 1992. № 9).

воля объекта насилия если не прямо подавляется, что обычно связывается с насилием в обыденных представлениях, то сплошь и рядом в современном обществе игнорируется, что может быть признано прогрессом форм и методов насилия, но никак не изменением его сути. В-четвертых, необузданное и бессмысленное насилие одинаково разрушительно и социально, и экономически — будь это нашествие орд кочевников в древности или современное государство, стремящееся поставить под свой контроль и зарегулировать все и вся.

Привычка к субъективистскому восприятию жизни («все происходящее — результат чьих-то действий или бездействия») ведет к тому, что и в насилии выделяется прежде всего такая его сторона, как эгоизм, амбиции, устремления, иные качества насильника. При этом не просто выделяются, но и получают большее или меньшее осуждение. Все это по-своему существенно, но никак не отвечает на вопрос, каковы объективные социально-исторические функции насилия, какую роль оно играет в процессах поддержания и воспроизводства жизни, в том числе и ее общественных форм, в их развитии?

На наш взгляд, объективная функция насилия заключается в перераспределении жизненных ресурсов в пределах экологических и социальных систем, а результатом осуществления этой функции оказываются внутренняя динамика таких систем, поддержание в них своего рода «обмена веществ» и в конечном счете развитие этих систем и жизни в целом. Различное соотношение исходных способов существования, роль насилия в конкретных его формах в каждом из таких соотношений дают то многообразие жизненных, в том числе и социальных, форм, без которого невозможны эволюция, развитие, прогресс. И поскольку жизнь общества и человечества, сколь бы сложна она ни была, все же не более чем одна из разновидностей жизни вообще, она тоже не может быть исключением из этого общего правила.

Ясно, что без какого-то перераспределения жизненных ресурсов никакая жизнь в принципе невозможна: именно поэтому жизнь всегда существует только как некая, более или менее богатая экологическая система, а отдельные виды живых существ, добившись господства, неизменно вымирают. Точно также общественная жизнь известна нам только в форме социальных систем, эволюционирующих в сторону их внутреннего усложнения. Следовательно, в перспективе процессы перераспределения ресурсов станут для человечества куда более жизненно важными, чем даже сегодня — а значит, без насилия не обойтись. Иное дело — какого насилия, в каких формах и целях.

Познание, особенно социальное, всегда проходит через этап, когда чувства и прошлый опыт мощно бунтуют против открывающегося теоретического видения проблемы. И для того, чтобы познание насилия как первый шаг к его обузданию стало на твердые основы рационализма и объективности, начинать надо с разъединения в практике и в общественном сознании понятий «насилие» и «кровь».

Сегодня они еще слишком часто пересекаются и во внутренней, и в международной жизни. Право человека на жизнь священно и неприкосновенно. Оно не может нарушаться никак и никогда. Борьба за права человека, постановка войны вне закона, ликвидация средств массового уничтожения должны на деле — и под международным контролем — быть ориентированы на гарантирование этого права повсеместно. Только тогда разум получит эмоциональную передышку, сможет взглядеться в проблему пристально и спокойно, принять саму мысль о допустимости, полезности, необходимости насилия некровавого, нефизического, созидательного. Разумеется, при условии, что порядок, цели, характер его использования выработаны и приняты совместно — в национальном или международном масштабе — всеми субъектами соответствующих отношений, приняты демократически, опираются на общепризнанные нормы этики и права. При условии приоритета закона, опирающегося не на «право сильного», но на право разума, справедливости и здравого смысла.

Сейчас, когда, кажется, преодолена длившаяся три четверти века глобальная идеологическая и военно-политическая конфронтация, и во внутренней жизни государств, и в мировой политике необходимо как можно быстрее уйти от кровавых и физических форм насилия. От насилия недискриминирующего, ненаправленного, «бьющего по площадям», когда на одного убитого в войне солдата приходится до сотни погибших мирных жителей. От насилия, осознанно и преднамеренно направляемого во зло, на античеловеческие и антиобщественные цели. Уйти, памятуя, что крайности насилия способны активизировать и даже привести к успеху и крайности популистского ненасилия. Окажутся ли они лучше?

Основные направления такого движения не только в принципе ясны, но в разной степени уже приведены в действие. Не будем повторять общеизвестное. Подчеркнем только, что и преодоление военно-политической конфронтации и ее последствий, и сокращение вооружений (особенно ядерных) и вооруженных сил, и переход на принцип оборонительной достаточности и непровоцирующей обороны, и региональные соглашения о коллективной безопасности — все это необходимо, но при всей важности таких мер никак не является самоцелью. Более того, чем существеннее будет успех дипломатии на этих направлениях, тем настоятельнее на первый план будут пробиваться вопросы совершенно иного плана. Если в принципе невозможно ликвидировать насилие вообще, но жизненно необходимо избавиться от каких-то его форм, значит, функции последних должны взять на себя иные, социальные и нравственно приемлемые сегодня формы насилия. А они не возникнут сами по себе, но должны быть созданы и признаны.

Все изложенное в этой части статьи можно суммировать следующим образом. Насилие как явление, объективно присущее жизни вообще и общественной в частности, несводимо только к отдельным его формам. Оно выполняет жизненно необходимые функции и пото-

му не может быть просто «искоренено» — речь может и должна идти только о том, чтобы крайние, варварские и бесчеловечные его формы, порожденные стихийным ходом истории, вытеснить, заменить формами цивилизованными, рациональными, социально приемлемыми и ответственными. Попытки же избавиться от насилия вообще, если бы они оказались предприняты достаточно целенаправленно и настойчиво, в реально существующих и предвидимых условиях способны обернуться лишь дополнительными кризисами, трагедиями и страданиями, что подтверждается, в частности, опытом осуществления других, не менее благонамеренных социальных иллюзий. Скорейшее избавление от крайних форм насилия необходимо. Оно, однако, пойдет тем быстрее и безболезненнее, принесет тем более эффективные и стабильные результаты, чем скорее и полнее будут осознаны действительная природа и функции насилия в живых системах. Простое отрицание объективно существующего явления (и в том числе и отрицание через призыв воздерживаться от каких-либо действий) не ведет к исчезновению этого явления, но способно заманивать в ловушку неизбежных при любом самообмане просчетов — хотя разумное воздержание и самоограничение в этой сфере крайне актуально и полезно. Ненасилие может и должно стать моральным императивом поведения всех субъектов — от человека до государства — и во всем спектре отношений — от межличностных до международных. Но эффективная безопасность (которая и означала бы избавление от крайних форм насилия) не может основываться ни на абсолютизации силы, ни на утопии антинасилия. По крайней мере, в том реальном мире, в котором мы живем и будем жить еще долго.

V

Традиционно безопасность означала не только и не столько неизбежность внутренних структур общества, сколько некую, всегда относительную, степень его защищенности от перспективы стать жертвой прежде всего именно кровавых и физических форм насилия. Страх перед таким насилием и порождал готовность противостоять ему любыми средствами, в том числе и собственным упреждающим насилием, а также нейтрализовывал или вовсе устранял ограничения, идущие из сферы духа: от разума, морали, здравого смысла. На этой почве произошло то понимание государственного суверенитета, которое фактически отождествляет его с правом на собственный никем и ничем не ограничиваемый произвол во внутренних и внешних делах (хотя и проявляющийся при этом по-разному в двух этих сферах) и означает нежелание и неспособность государства и его политических элит считаться с чем бы то ни было, кроме противостоящей им силы.

Одностороннее осмысление подобных реалий вызвало в свое время к жизни интеллектуальную школу политико-силового мышления — ныне весьма представительную, разработанную и влиятельную, эволюция идей которой легко прослеживается от Макиавелли до современных приверженцев «политического реализма» и «strate-

гического анализа». При всей оперативно-прикладной ценности этих идей они не выходят, однако, за пределы социальной среды, определяющие качественные параметры которой характеризуются сочетанием таких признаков, как высокая вероятность физических форм конфликтов и насилия, решающая роль силы в их разрешении, неизбежность права субъекта на произвол, отсутствие или крайняя неразвитость политических, правовых, нравственных, экономических, социальных ограничений такого произвола.

Охранительное понимание безопасности исходит из этого комплекса условий, идей и отношений¹. Внутри государства оно фактически нацелено на то, чтобы обеспечить государству, режиму, правительству практические возможности осуществления суверенитета как права на произвол — возможности материальные, правовые, политические и иные, каких может потребовать жизнь. Вовне же охранительное понимание безопасности задается по существу одним вопросом: как распорядиться имеющейся силой, как и где ее расставить, употребить. Таков унаследованный нами объективный исторический фон современных международных отношений применительно к рассматриваемой проблеме.

Ясно, что прекращение военно-политической конфронтации между Востоком и Западом, завершение «холодной войны» и прочие позитивные сдвиги последних лет и месяцев не меняют эту картину по существу — если оставаться, конечно, в прежних рамках политико-силового мышления и дипломатии. Эти сдвиги, при всем их значении, лишь меняют конфигурацию и расстановку сил, но не суть проблемы. Нельзя, на наш взгляд, не согласиться с Р.Никсоном, что «в мире соперничающих государств неизбежны столкновения интересов и международные конфликты» и что «конец холодной войны не упростил мир, но сделал его сложнее»².

Не менее очевидным представляется и другое: ненасилие как просто субъективный отказ от совершения определенных актов насилия в конечном счете объективно подкрепило бы и мощь, и влияние этого исторического фона. И понимание суверенитета как неограниченного права на произвол — а не ответственности за цивилизованное развитие и качество жизни на определенной территории. И традиции охранительной интерпретации безопасности, то есть диктата правящих групп внутри страны и силовых форм отношений и конфликтов между странами. Дело не только в том, что бездействие мирового сообщества в ситуации, например, аннексии Ираком Кувейта послужило бы поощряющим сигналом для других аналогичных попыток и тем самым фактически послужило бы распространению, а вовсе не ограничению войн и насилия в мире, подрыву международной безопасности в целом. Отказ от миротворческой миссии в Юго-

¹ См.: Мировая экономика и международные отношения. 1992. № 10.

² *Nixon R. Seize the Moment. America's Challenge in a One-Superpower World.* New York et al., 1992. P. 16, 308.

славии может привести не к ограничению и постепенному затуханию конфликта в этой стране, но напротив, к его распространению на другие страны Европы и Средиземноморья. Существенным потенциалом расплозания обладает и армяно-азербайджанская война, затрагивающая не только положение в бывшем СССР, но проецирующая свое воздействие и на Ближний, и на Средний Восток в целом.

Проблема, однако, гораздо шире и серьезнее, нежели прямолинейная дилемма: вмешиваться или не вмешиваться в тот или иной конфликт. Современный мир настолько тесен и взаимосвязан, что если не вмешаться, конфликт рано или поздно придет и в ваш дом. Вопрос не в том, как вмешаться, но что делать после вмешательства и разведения воюющих сторон. Ибо такое разведение — первый шаг к устранению вызвавших столкновение причин, но никак не само урегулирование. Хорошо, если стороны в дальнейшем проявят достаточно здравого смысла и желания и сумеют договориться между собой сами или с международной помощью. Нередко, однако, всякое международное посредничество оказывается бессильным. И тогда современный мир не оставляет иной альтернативы, кроме как навязать урегулирование и заставить стороны его принять. Но для этого нужны соответствующие механизмы и средства, которые позволяли бы вырабатывать коллективные цели такого урегулирования, вынуждали принимать само урегулирование и в дальнейшем отслеживать бы соответствие практически достигаемых его результатов поставленным целям, чтобы при необходимости вносить те или иные коррективы в характер принимаемых мер либо в сами цели. Какими бы ни оказались со временем такие механизмы, ясно, что во-первых, в принципе без них не обойтись, а во-вторых, они должны будут включать эффективные инструменты принуждения. В том числе инструменты военные и военно-полицейские. Лозунги разоружения как такового утрачивают сейчас ту относительную прогрессивность, которой они обладали на определенном этапе. Конечно, запасы и характер оружия, структура и размещение вооруженных сил должны быть приведены в соответствие с новыми международными реалиями. В том числе многое предстоит физически сократить, уничтожить — что, собственно, и делается. Гораздо большую актуальность, однако, приобретает, на наш взгляд, вопрос о создании эффективных механизмов гашения международных конфликтов, пресечения преступлений государства (типа агрессии, например) на максимально ранних стадиях и вообще поддержания международного правопорядка и законности на заранее согласованных договорных основах и под демократическим и действенным международным контролем. Зародыши такой системы, кажется, появляются после 1992 г. в Европе и в СНГ.

Но есть и другая сторона проблемы. Если раньше сила и насилие были необходимы и на практике использовались не только как средства нападения, но и для выживания, то в современном обществе и мире они все чаще используются не прямо, но косвенно — как угроза или механизм сдерживания агрессивного поведения других.

Иными словами, возникла как вполне самостоятельная и в перспективе весьма значимая *проблема психологических форм, средств и применений насилия*. Ее стихийная эволюция происходит пока в двух направлениях. С одной стороны, оттачиваются наука и искусство шантажа во всех сферах: от традиционной уголовной преступности через экономические и социальные и вплоть до международных отношений. С другой, без использования таких форм насилия невозможны, очевидно, социальное управление, согласование интересов различных социальных уровней в национальном и международном масштабе, социальная инженерия. Как ни парадоксально, но *интересы развития* вообще, безопасного и цивилизованного в особенности *требуют не отказа от насилия, но разработки более цивилизованных его форм*, расширения арсенала его средств и методов, повышения их эффективности путем качественно большей избирательности, прицельности действия, вытеснения примитивных и жесточких форм насилия формами цивилизованными. Коль скоро в обозримой перспективе — а быть может, и в принципе — невозможна жизнь без насилия, то есть без отъема и перераспределения части жизненных ресурсов, человек должен позаботиться о том, чтобы и в этой сфере перестать быть пленником стихии и собственных иллюзий, обрести способность рационально и действенно влиять на ход событий и процессов в сторону их гуманизации.

Формула «безопасность через развитие» предполагает широкое и активное взаимодействие с другими как в целях развития, так и в интересах безопасности, причем в том и другом случае — как национальных, так и международных. Такое взаимодействие невозможно без принятия каждым из его участников добровольных самоограничений — без не просто переуступки части национального суверенитета международным договорам, соглашениям, институтам, но и достаточно глубокого переосмысления самой сути суверенитета в современном мире. На начальном этапе это должны быть именно самоограничения, как односторонние, так и оформленные в международно-правовом порядке: лишь при соблюдении этого условия они обретут практическую ценность и моральную силу, которые позволят придать им в дальнейшем всемирный и обязательный характер. Суверенитет оказывается при этом не лицензией на произвол, но признанием и принятием социально-исторической ответственности, уклонение от которой, несомненно, будет рассматриваться в мире как моральная и политическая вина (а в некоторых случаях и преступление) и перед своим народом, и перед международным сообществом в целом.

В повестке дня, таким образом, формирование нового, *четвертого* подхода к обеспечению безопасности. Отталкиваясь от права каждого на самозащиту и категорического отрицания права на произвол и агрессию, от идей оборонительной достаточности и непровоцирующей обороны (или обороны без враждебности), от поддержки и поощрения разумных самоограничений, этот подход должен делать упор на необходимости построения, уже в достаточно близкой пер-

спективе, единой общечеловеческой системы международного правопорядка. Системы, которая формировалась бы на началах коллективизма, добровольности и демократизма, но в дальнейшем предполагала бы достаточно определенные и жесткие обязательства ее членов. Которая от отдельных договоров и соглашений целенаправленно развивалась бы именно в систему правопорядка. И предполагала бы наличие должным образом управляемых сил и средств поддержания этого порядка, его восстановления в случаях нарушения.

Нетрудно видеть, что все основные компоненты такого подхода уже существуют в теории и практике современных международных отношений, причем некоторые уже достаточно давно. Речь о том, чтобы начать выстраивать их именно в целостную систему с высокой степенью гарантии выполнения обязательств. Чрезмерная склонность к стереотипам и штампам прошлого, в том числе связанным с прямолинейной понятой идеей ненасилия, разоружения и т.д., способна серьезно повредить этому процессу и потому объективно продолжала бы худшие образцы прошлого в международной сфере, а не способствовала формированию более безопасного и гуманного будущего. На примере не только СССР, но и Европы (особенно Югославии) и — нельзя исключать — некоторых других районов мира уже несомненно, что снятие «свинцовых крышек» прошлого, будь то господство КПСС, «холодная война» или что-то иное, выпускает на волю опасных джиннов, которых необходимо загонять обратно или приручить, но по отношению к которым совершенно недопустимы бездействие и самоустраненность. И разве не то же самое происходило, когда рушились былые колониальные империи — с той только разницей, что тогда и объективные последствия таких крушений, и наше понимание происходящего неизбежно окрашивались, затуманивались начинавшейся «холодной войной» и ядерной конфронтацией, психологией противоборства двух систем?

* * *

Современный мир в состоянии надежно обезопасить себя от кровавых форм насилия. В конце концов, это уже вопрос не столько безопасности, сколько просто цивилизованного состояния общества. Отказываясь от веры в возможность прямолинейного осуществления идеалов ненасилия — что, на наш взгляд, невозможно, — ни в коем случае нельзя отворачиваться от содержащегося в этой идее морального призыва. Лозунги «мира без войн и оружия», разоружения, ликвидации средств массового уничтожения сыграли свою роль в том, что удалось начать движение от края ядерной пропасти, запустить механизмы общеевропейского процесса, достичь высокой степени единства мирового сообщества в нетерпимости к случаям откровенной агрессии. Нельзя допускать того, чтобы в эйфории от завершившейся «холодной войны» и отступившей ядерной угрозы мы все стали бы считать допустимой и приемлемой «мелочью» конфликты, столкновения, войны местного значения. На рубеже XXI в. нет и не может

быть «справедливых» войн. Любая война сегодня — преступление против человечества, и инициаторов должен неизбежно ждать международный трибунал, будь то война межгосударственная или гражданская. Есть — а если нет, то всегда при желании могут быть созданы — иные средства решения любых социальных конфликтов, не требующие крови. На современном уровне знаний и возможностей человека кровь — это всегда следствие безответственности, интеллектуальной и физической лени, опасных антисоциальных наклонностей того, кто готов не останавливаться перед подобной перспективой. Такие люди нуждаются либо в лечении, либо в наказании — и мировое сообщество должно обрести способность неотвратно обеспечивать и то, и другое.

Две проблемы обретают нарастающую актуальность. Какую безопасность мы хотим после того, как будет достаточно надежно гарантирована бескровность мирового развития? Есть безопасность сильного, хорошо вооруженного путника в тайге или джунглях. Есть безопасность городского человека, защищенного цивилизацией, законами и полицией, но время от времени все же становящегося жертвой преступлений. Но есть и безопасность того, кто, оказавшись в кругу пусть не друзей, но людей одной с ним общности, уверен — и не ошибается в этом, — что с их стороны для него физической опасности быть не может. Последнее возможно лишь тогда, когда все участники общности признают себя принадлежащими к чему-то единому, целостному, для них самих ценному и необходимому.

Очевидно, максимально возможная степень безопасности достижима только тогда, когда человечество не в творениях отдельных своих умов, но в повседневной жизни и на массовом уровне осознает себя единой общностью. Перспектива в историческом смысле весьма вероятная, в субъективном — желательная, в практическом — далеко не близкая. И тем не менее реалистическая, в принципе достижимая. Стихийное движение к ней заняло бы не только долгое время, но было бы сопряжено с неизбежностью огромного числа циклических колебаний, продвижений и отступлений, взлетов и падений, когда каждое отступление и падение влекло бы за собой немалые жертвы. Этим путем человечество пройдет в любом случае, если только по дороге не уничтожит себя. Но процесс можно очеловечить и ускорить, если уже сейчас заняться созданием для него тех механизмов и процедур, наличия которых он неизбежно рано или поздно потребует.